

A family portrait featuring a man, a woman, and two children. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark suit and a white shirt, standing behind the woman. The woman has long brown hair and is wearing a light-colored blazer over a white top. They are both smiling. In front of them are two children, a boy and a girl, both wearing light-colored sweaters. The background shows a modern interior with a large window overlooking a city skyline at sunset or sunrise. A desk with a lamp and some books is visible on the left.

ЗЛАТА
ЗОРИЧ

БОСС
ДЛЯ МАМЫ
двойняшек

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Злата Зорич

Босс для мамы двойняшек

<https://litres.ru/74396832>

Аннотация

— Какой ещё развод? Ты серая, зачуханная домохозяйка с двумя вечно орущими мелкими. Без работы, без связей... Ты никто!

После предательства мужа, я остаюсь одна с близнецами на руках. И вынуждено устраиваюсь на работу к невыносимому начальнику. Мой новый босс жесткий, деспотичный и... на дух не переносит сотрудников с семейными проблемами.

Надеюсь, мне удастся его переубедить...

♥#В тексте вас ждут:

- ✓ сильная неунывающая героиня
- ✓ суровый, но справедливый босс
- ✓ жестокий бумеранг бывшему мужу
- ✓ и Хэппи-Энд!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Визуалы героев	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

На часах — два ночи. А моего мужа до сих пор нет. Он написал, что задерживается на работе, и сразу же после этого отключил телефон.

И самое хреновое, что это уже не в первый раз.

Но сегодня я твердо решила положить этому конец. Я хотела посмотреть ему в глаза и спросить, куда исчез тот мужчина, который когда-то был готов ради меня свернуть горы?

И вот — время два часа ночи, а мне всё ещё некому задать этот вопрос.

Наконец в прихожей раздается щелчок дверного замка.

Мне не нужно задавать вопросы. Всё и так понятно без слов.

Резкий, удушливый запах приторно-сладкого женского парфюма... Взъерошенные, будто после бурного перепихона, волосы... Галстук съехал набок, рубашка не заправлена. Глаза блестят сытым, хмельным блеском.

А на щеке отчетливо алеет жирный след от яркой помады.

Он даже не удосужился вытереться, перед тем как зайти в дом, где спят его дети... Ему настолько плевать?

— О, Ленка... А ты чего ещё не спишь? — он глупо усмехается, как застигнутый за неприличным занятием школьник. — Я же просил не ждать. Деловая встреча... немного затянулась.

— С кем была эта встреча, Глеб? — и, так как он явно затрудняется ответить, я предполагаю: — С новой подстилкой? Или с постоянной шлюхой?

Он хмурится, делает шаг ко мне, и волна чужих духов бьет наотмашь.

Меня сейчас стошнит...

— Ты совсем в декрете головой поехала? — грубо отрезает он. — Я пашу как проклятый, чтобы вы ни в чем не нуждались!

— Пашешь в постели у очередной сучки? — я делаю шаг вперед и с тычу пальцем в его лицо. — У тебя помада на щеке, Глеб! Ты настолько охренел, что даже в зеркало не посмотрел, прежде чем домой вернуться?!

Он быстро проводит ладонью по щеке, смотрит на красные следы на своих пальцах, и на секунду в его глазах мелькает паника. Но лишь на секунду. Уже в следующий миг его взгляд становится ледяным и чужим.

— Слушай, — говорит он. — Ну давай без сцен, окей? Ты же сама всё понимаешь...

— Понимаю... Именно поэтому ты сейчас вернешься туда, где так весело проводил время.

— Лена, — он переходит на примирительный тон. — Не говори глупостей. Ну что ты будешь делать без меня?

— Не твоя забота.

— Моя! Ты сейчас говоришь это от обиды. Иди спать. Завтра спокойно поговорим и...

— Нет! Ты прямо сегодня соберёшь вещи и уйдёшь!

— Никуда я не уйду... И что ты мне сделаешь? Устроишь истерику?

— Никаких истерик. Зачем же? — отвечаю спокойно, хотя внутри всё кричит от боли. — Я просто подам на развод

Глеб вдруг делает шаг вплотную, перехватывает мои запястья и больно сжимает их.

— Какой ещё развод? — шипит он мне в лицо. — Нахрен он тебе? Тебе сорок. Ты серая, зачуханная домохозяйка с двумя вечно орущими мелкими. Без работы, без связей... Ты никто! И звать тебя никак. Хочешь развод? Давай, вперед! Действуй! Только ты уйдешь от меня в том, в чем стоишь. В своей старой пижаме. Так что лучше закрой рот и иди спать. А завтра сделаешь вид, что этого разговора не было.

Его пальцы впиваются в мои запястья, металл обручального кольца вдавливается в мою кожу, но физическая боль — ничто по сравнению с тем, что происходит сейчас в моей душе.

Потом он с силой отталкивает меня.

Я лечу назад и врезаюсь поясницей в край кухонного стола.

В глазах темнеет. Я хватаюсь руками за столешницы, чтобы не рухнуть на пол.

А Глеб выходит в коридор и закрывается в ванной.

«Серая, зачуханная домохозяйка... Ты никто» — звенят в ушах слова моего "любящего" мужа.

Да, может быть сейчас я действительно *никто*. Но, кажется, мой драгоценный супруг забыл, *кем* я была до того, как он всё отнял.

Он пожалеет так, как не жалел никогда в жизни. Я отмщу!

Глава 2

Я действительно превратилась в тень себя прежней. Я позволила домашней рутине, подгузникам и бесконечной заботе о детях поглотить меня.

Ну а как иначе? Дети стали для меня смыслом жизни и центром вселенной. Мои выстраданные, вымоленные дети... Как же долго я их ждала!

До тридцати лет я упорно строила карьеру. У меня не было ни одного полноценного выходного, ни одной свободной минуты. Даже улетаая в редкий отпуск, я брала с собой рабочий ноутбук и просыпалась от звонков.

Я была личным помощником Павла Аристархова — бизнесмена из первой сотни Форбс. Я жила его жизнью и жизнью его семьи, по его сумасшедшему расписанию.

Конечно, мне хотелось любви. Банального женского счастья.

Я работала среди мужчин — в нашем бизнес-центре их была целая толпа. Но свободными из них были разве что совсем зеленые стажеры... А встречаться с женатыми — для меня табу. Я слишком уважала себя, чтобы соглашаться на обеды с чужого семейного стола.

А между тем время безжалостно утекало сквозь пальцы...

Когда я спохватилась, биологические часики уже не просто тикали — они гремели вовсю. Страх опоздать, остаться

одной в пустой, пусть и дорогой квартире, так и не узнав, что такое быть матерью, душил меня по ночам.

Именно в этот момент на моем пути появился Глеб.

Успешный, амбициозный, свободный. Молодой — моложе меня на пять лет. Чертовски настойчивый! Под натиском его ухаживаний невозможно было долго держать оборону.

Почти сразу он предложил мне выйти за него замуж, уверяя, что безумно мечтает о детях. А после росписи, когда мы улетели на острова, он ненавязчиво попросил меня вложиться в одно его дельце...

Вся его успешность была показной, а сам он оказался неудачливым бизнесменом, который умел только носить деловые костюмы. Дорогие подарки, которыми он меня заваливал во время ухаживаний, были куплены с кредитки.

Разумеется, я погасила все его долги. Конечно же, я помогла ему с бизнес-планом, порекомендовала его знакомым с работы. Я инвестировала накопления в его фирму.

Я сделала из него человека.

Последние свои сбережения я потратила на попытки ЭКО. А бизнес Глеба ожидаемо пошёл в гору. Муж стремительно богател и... забывал, кому и чем он обязан.

И вот так он отплатил мне!

Я не узнаю мужчину, за которого выходила замуж. Где тот настойчивый парень, который караулил меня с охапками роз у офиса? Где тот Глеб, который умолял меня вложить все мои накопления в его бизнес, обещая, что мне больше нико-

гда в жизни не придётся работать?

Я отдала ему всё. Свои деньги, свою карьеру, свое здоровье, а он...

А у него — просто другая баба. Банально и мерзко до тошноты...

Я беру со столешницы телефон, захожу в мобильное приложение банка и пролистываю вниз, к разделу «вклады».

Перед глазами всё плывет.

Нет, не только другая баба. Кажется, мой благоверный решил обождать меня до последней нитки...

У меня была небольшая подушка безопасности, которую Глеб не имел права его трогать. Это неприкосновенный запас, деньги на самый экстренный случай, который, к сожалению, именно сегодня и наступил.

Но он тронул. Закрыл вклад досрочно, потеряв все проценты, и перевёл на свой личный счет.

Какую же змею я пригрела на своей груди?! И какие ещё неприятные "сюрпризы" приготовил мне драгоценный супруг?

Визуалы героев

Вот какой была наша героиня ещё совсем недавно:

Успешная, амбициозная, но очень одинокая Елена поверила настойчивому Глебу, который так красиво ухаживал за ней и обещал золотые горы.

Могла ли она устоять перед таким обаятельным мужчиной?

В этом браке Лена потеряла себя, а теперь ещё и переживает предательство мужа, но у неё ещё всё впереди! Счастье не за горами!

Правда за него придётся немного побороться!)

Дорогие читатели, прошу вас поддержать книгу и поставить ей звездочку!

Это очень-очень важно для автора!

Глава 3

Мне пришлось провести ночь в детской — ничто на свете не заставило бы меня снова лечь рядом с предателем. Я даже в одной комнате находиться с ним не могла. Не могла дышать с ним одним воздухом...

Из-за стены раздавался его храп, издевательски напоминая мне о моем бессилии.

А ведь это же моя квартира! К счастью, я купила её *до* того, как этот никчемш появился в моей жизни.

Но теперь я даже выгнать паразита не могу...

Осознав, что этой ночью мне не удастся уснуть, я принесла ноутбук из гостиной. Собиралась немедленно заняться поиском работы, но... На ноутбуке остались открытыми его вкладки — Глеб не заморачивался с выходом из аккаунтов в соцсетях.

И я начала поиски соперницы. Худшее, что могла сделать женщина в моей ситуации, но мне ужасно хотелось посмотреть на нее. Хотелось увидеть лицо той, ради которой он перечеркнул нашу жизнь. Хотелось понять для себя хоть что-то.

Разумеется, никаких откровенных переписок я не нашла. В сообщениях было всё чисто — Глеб всегда осторожен. Зато он с завидной регулярностью лайкал фотографии одной и той же девицы.

Ее звали Илона. На вид — не больше двадцати пяти лет. Типичная кукла с надутыми губами и пустым взглядом.

А в её последней сторис — фото из дорогого ресторана, сделанное буквально несколько часов назад. Роскошный ужин и мужская рука, лежащая рядом с ее ладонью. Похоже, Глеб даже не удосужился снять обручальное кольцо на свидании со своей шмарой.

За разглядыванием её фотографий я не заметила, как наступило утро. Дети проснулись, и мне пришлось отложить ноутбук и поиски работы, чтобы отвести их в ванную, а затем и на кухню.

Потом объявился Глеб в отглаженной рубашке, безупречно выбритый и сияющий.

— Лен, а почему завтрака нет? И где мой кофе? Я вообще-то тороплюсь, у меня через час планерка в офисе...

Я чуть не упала в обморок от его наглости, поэтому предпочла просто проигнорировать его слова. Наглый, сытый кобель! Ведёт себя так, будто ночного скандала вообще не было.

— Лена, я с кем разговариваю? Ты кофе мне сварешь или как?

— Попьешь на работе, — ледяным тоном отвечаю я, не глядя на него.

Муж раздраженно фыркает, но устраивать скандал при детях, видимо, не входит в его планы.

— О-о-о, кто тут у нас кушает кашку? Папины зайки! —

Глеб расплывается в приторной улыбке, подходит к стульчикам и начинает сюсюкаться с близнецами. — Как дела, мелкие? Соскучились по папе?

Меня аж передергивает от этой фальши. Да он не замечал их неделями! Ни разу не погулял с ними сам за последний год. А сейчас напоказ строит из себя заботливого родителя.

Дети улыбаются, тянуться к нему. А у меня внутри всё сжимается от ярости.

— Хватит, — рывкаю я, поднимаясь со своего места.

— Ты чего? При детях-то зачем свои психозы устраивать?

— Ты вывел деньги со счёта...

— Мои деньги, — он равнодушно пожимает плечами. — Я распоряжаюсь ими как хочу. Тебе что-то нужно купить? Так скажи мне что. Я куплю или переведу тебе сумму. На текущие расходы...

— Это были *мои* накопления!

— Мы семья, дорогая, — улыбается Глеб. — А это значит, что нет ничего "твоего" или "моего". У нас всё общее!

— И Илона? — цежу я сквозь зубы. — Тоже общее? И вчерашний ужин в дорогом ресторане общий? И расходы на твою ш....

При имени любовницы Глеб на секунду бледнеет, его наглая ухмылка сползает, но уже в следующий миг глаза наливаются злостью.

— Ты долго собираешься устраивать этот спектакль? — шипит он. — Я-то думал, за ночь ты придешь в себя и осо-

знаешь свое положение. Но я вижу, дурь из тебя так и прет. И вот мне интересно, поубавится ли у тебя дури, когда я перестану давать тебе деньги?

— На собственных детей? — переспросила я. — То есть ты перестанешь давать деньги на своих же детей, чтобы я не могла их прокормить?

Он делает шаг ко мне, обдавая удушающим ароматом парфюма, и шипит мне в лицо:

— Запомни раз и навсегда: правила в нашей семье устанавливаю я. Будешь молча подавать мне кофе — всё будет хорошо. Начнешь качать права и грозить разводом — сильно пожалеешь. Хорошенько подумай об этом на досуге!

Он разворачивается, подхватывает со стула свой кожаный портфель и направляется к выходу.

— Буду к ужину, — бросает он. — И чтобы ужин был горячий!

Похоже, поиск работы придётся ненадолго отложить.

Сначала мне нужно избавиться от паразита.

Глава 4

Умыв детей после того, как они самостоятельно поели — угваздав при этом кашей себя и всё вокруг — я с трудом смогла занять их игрушками. Они не очень любят играть сами по себе — им обязательно нужна рядом мама, которая будет их развлекать. В те редкие минуты, когда они играют самостоятельно, в итоге всё заканчивается стычкой и рыданиями обоих.

Но сейчас мне необходима передышка даже ценой будущей истерики. Я выхожу на кухню и быстро пишу короткое сообщение:

«Павел Андреевич, здравствуйте. Когда у вас будет минутка, можем созвониться?»

Если кто-то и может сейчас мне помочь, то только мой бывший шеф. Он всегда очень тепло ко мне относился, можно сказать, по-отечески, ценил и доверял такие тайны бизнеса, которые не доверил бы собственной жене. Но... прошло почти пять лет. Захочет ли он помочь? Или с годами старые связи рассеиваются, как дым?

Экран телефона внезапно вспыхивает. Звонит!

— Павел Андреевич, здравствуйте!

— Леночка! Привет, дорогая! — в трубке раздается его бодрый голос. На заднем фоне шумит морской прибой. Почти сразу после моего ухода в декрет он продал свой основ-

ной бизнес и теперь наслаждается заслуженной пенсией на юге Италии.

— Как я рад тебя слышать! Ты совсем пропала, не пишешь, не звонишь. Как там у тебя дела? Как дети?

— Всё хорошо... Растут, радуют маму, — я с трудом выдавливаю из себя дежурную улыбку, хотя он её и не видит.

Мы болтаем ещё пару минут, и тут я понимаю, что пора переходить к делу, пока запал не пропал.

— Павел Андреевич, я на самом деле к вам с просьбой... Дело в том, что...

— Что-то случилось? — его голос мгновенно становится настороженным. — У тебя какие-то проблемы?

Слова отчаяния уже готовы вырваться у меня из груди. Мне хочется попросить его, чтобы он прислал кого-нибудь — амбалов, жестких и крепких ребят. Чтобы они вышвырнули паразита из моей квартиры пинком под зад и "убедили" его больше здесь не появляться.

Но...

Как признаться бывшему шефу, что я в полной жопе? Как рассказать ему, что его деловая, хваткая умница попала в такую идиотскую ситуацию? Меня от одной этой мысли наизнанку выворачивает.

В конце концов, Глеб юридически всё еще остается моим мужем и прописан здесь. Устрой я тут маски-шоу — этот трусливый подонок тут же побежит в полицию, зафиксирует синяки и затаскает меня по судам. Меньше всего на свете

я хочу давать Глебу повод обвинить меня в неадекватности, чтобы потом шантажировать этим.

— С мужем что-то не ладно, да? Твой этот Глеб... — вздыхает шеф, не дождавшись моего ответа. — Он мне, честно говоря, никогда не нравился. Слишком много пафоса и громких слов...

— Нет, что вы, всё прекрасно! — поспешно вру я. — Просто... что-то засиделась я дома. Хочу снова выйти на работу! Поработать для собственной реализации, вспомнить старые времена...

— О как... Ты же вроде говорила, что хочешь полностью посвятить себя семье?

— Да, я говорила так, но... ситуация немного изменилась. Шеф молчит, обдумывая мои слова. Верит или просто делает вид из вежливости — неважно.

— Ты хотела вернуться на свое место?

— Да. Я отлично знаю внутреннюю кухню, специфику, людей и...

— Но ведь прошло время, — мягко перебивает. — Много изменилось. Компанию выкупили, там теперь другой хозяин, и, насколько я знаю, произошло много пертурбаций. Новое руководство, новые правила.

— Я всё равно хочу попробовать. Вернее... я уверена, что справлюсь. Мне просто нужно, чтобы вы меня порекомендовали.

Павель Андреевич тяжело вздыхает.

— Там сейчас всем заправляет Герман Гордеев. Слышала про такого? Нет? Он за пару месяцев поувольнял почти всех старых сотрудников, перетряхнул всю структуру. Мужик жесткий, деспотичный, по слухам — работать с ним сущий ад, ассистенты у него дольше пары недель не задерживаются. Безумный темп, тяжелейший характер...

Нет! Мне не нужны предупреждения, мне не нужны советы. Мне нужен шанс, пока Глеб не уничтожил меня окончательно.

— Павел Андреевич, — перебиваю я. — Просто скажите: вы сможете меня порекомендовать или нет?

На том конце провода снова молчат. На этот раз дольше.

— Конечно, Лена. Конечно, порекомендую, о чем речь, — наконец отвечает он с теплотой. — Для меня это не проблема, я сделаю один звонок и дело в шляпе. И ты точно подойдешь им, для Гордеева ты будешь огромным приобретением, он ухватится за тебя обеими руками... Вот только подойдет ли это *тебе*? Гордеев очень непростой человек...

Подойдет ли? Да по сравнению с моим драгоценным супругом, любой, даже самый отбитый начальник покажется мне ангелом!

— Уверена, Павел Андреевич, — отвечаю я. — Я готова ко всему.

— Ну хорошо, Лен. Раз ты так настроена...

— Спасибо вам огромное, Павел Андреевич. Вы меня очень выручили.

— Не за что, дорогая. На связи.

Я нажимаю отбой и некоторое время просто сижу так, успокаивая свои мысли.

Но из детской вдруг доносятся оглушительные вопли — похоже, малыши не поделили какую-то деталь от конструктора, и назревает грандиозная драка. Обычные будни измотанной мамы в декрете...

Я бросаюсь разнимать своих карапузов, но телефон в руке вдруг снова оживает.

Я нажимаю кнопку ответа, на ходу выкрикивая в сторону детской: «Ну-ка не деритесь, мама сейчас придет!»

— Елена Николаевна? Это из приемной Гордеева...

— Да, слушаю.

— Мы ждем вас сегодня.

Я замираю прямо посреди коридора. Максим за стеной продолжает победно орать, Маша заливается слезами.

— Что? Прямо сегодня?

— Да, шеф сказал, что ему срочно нужна замена. Предыдущая ассистентка не выдержала и... В общем, у нас тут завал. Вы сможете приехать?

В голове за секунду проносится вихрь панических мыслей. На мне растянута домашняя кофта. Волосы собраны в дурацкий пучок. На кухне гора грязной посуды после детского погрома. Дети плачут.

«К черту всё, — зло думаю я. — Справлюсь».

— Да, — твердо отвечаю я в трубку. — Скоро буду.

Глава 5

Кажется, что абсолютно всем женщинам в этом здании не больше двадцати пяти... Снова этот проклятый возраст! Я чувствую себя их безнадежно отставшей от жизни матерью и прячу руки без маникюра. Когда я вообще делала его в последний раз?

Спокойно, Лена. Ты старше, но ты умнее, опытнее. И уж точно целеустремленнее.

Женщина, которая смотрит на меня сейчас из зеркала в лифте, выглядит собраннее, чем ощущает себя изнутри. Это хорошо — значит, паника, которая охватила меня, не видна снаружи.

Я запаниковала в тот момент, когда, вызвав няню, начала переодеваться. Потому что у детей включился встроенный радар на материнский побег. Они мгновенно затихли, сообщив, что привычный мир рушится, и выдали такой слаженный, оглушительный рев, что я на секунду оглохла.

В этот момент чувство вины — этот верный спутник любой матери — с размаху вонзило когти мне в горло.

— Маме нужно уйти, — я попыталась разжать их пальчики, чтобы они не оставили на юбке пятна. — Совсем чуть-чуть. Ненадолго. Чтобы купить вам... большую коробку конфет!

Не помогло. Они не хотели конфет, они хотели свою маму.

К счастью, в этот момент в дверь позвонили, и молоденькая и недорогая няня, которая ни раз выручала меня, мгновенно отвлекла их.

— Герман Алексеевич вас ждёт, проходите, — пригласили меня сразу же, как только я вышла на нужном этаже.

Он оказался не таким, как я представляла...

Вернее, я вообще не представляла его и просто думала, что он будет похож на моего бывшего шефа предпенсионного возраста. А оказалось — мой ровесник, может быть, чуть постарше.

Тёмные волосы, чисто выбритое лицо. Не смазливо-красивое, но интересное — высокие скулы, прямой нос, жёсткая линия челюсти. Не та внешность, которая нравится сразу. Но та, которая точно запоминается...

Он поднимает взгляд, и вот тут я понимаю, откуда у него дурная репутация.

Глаза светло-серые, холодные, как металл. И смотрит так пристально, будто видит тебя насквозь.

Мне становится неуютно под этим взглядом. Бывают же люди, которые одним своим присутствием вызывают дискомфорт и заставляют тебя внутренне подобраться!

Но... всё-таки он довольно привлекательный мужчина. Матерый, крупный, с тяжелым разворотом плеч. Из тех, которые не просят, а берут то, что хотят, и ставят окружающих в ту позу, которая им удобна.

— Соколова? — раздается его низкий, хриловатый го-

лос.

— Она самая.

— Присаживайтесь.

Я сажусь напротив.

Гордеев неторопливо листает мое резюме. И тут я нехотая замечаю, что на его безымянном пальце нет кольца. Зато на запястье тускло поблескивают часы стоимостью с хорошую квартиру.

— Пять лет декрета, — наконец произносит он, поднимая на меня свои ледяные глаза. — Вы вообще помните, как выглядит клавиатура?

— Вы не поверите, но отлично помню.

Он опускает взгляд обратно в резюме.

— Немецкий, английский, — читает он вслух. — И это всё было пять лет назад...

— Языки не забываются так быстро, как принято думать. Кроме того, учтите, что эти пять лет я управляла двумя маленькими детьми в круглосуточном режиме без выходных. Если вы думаете что это проще чем сопровождать деловые встречи — попробуйте как-нибудь.

— Вы уже решили вопрос, кто будет присматривать за вашими детьми? — вдруг спрашивает он.

— Конечно, решила, — не моргнув глазом вру я. — Детский садик и няня. Никаких проблем с этим!

— Почему решили вернуться на работу?

— Ситуация изменилась.

— Какая ситуация?

— Личная.

— Это не ответ.

— Это исчерпывающий ответ на данный вопрос, — говорю я. — Моя личная жизнь никак не влияет на качество работы.

— Но у меня жёсткий график, ненормированный рабочий день...

— Хорошо.

— Это не список пожеланий. Это условия.

— И я с готовностью их принимаю.

— А то, что у меня поменялось три ассистента за последние полгода вас это не смущают?

— Смотря за что увольняли?

— Одна опоздала. Вторая потеряла документы. Третья расплакалась на совещании с партнёрами.

— Я не опаздываю, документы не теряю. И заставить меня расплакаться совершенно невозможно.

— Предыдущая девочка уволилась через неделю, потому что я, видите ли, слишком громко разговариваю...

— То есть... кричали на неё? Меня это не пугает, — спокойно парирую я. — Моя нервная система закалена так, что крик для меня — не более чем фоновый шум.

Гордеев прищуривается. Напряжение между нами становится осязаемым, воздух словно электризуется.

— Не поймите меня неправильно, но... У меня всё-таки

некоторые сомнения насчёт вас. Рынок за пять лет серьёзно изменился, — говорит он. — Новые инструменты, другие скорости. Люди которые давно вне процесса — они как правило не успевают догнать.

— А те три ассистентки которые у вас не задержались — они были в процессе?

— Были, полагаю.

— И как, помогло? Послушайте, я всё понимаю. Вы окружили себя молоденькими специалистами для услады глаз... Но кто-то же должен работать!

Он пристально смотрит на меня и молчит.

— Вы считаете что я беру на работу молодых потому что... Чтобы любоваться? — говорит он наконец.

— Возможно. А ещё потому что они не спорят, — отвечаю я. — И долго не задерживаются именно поэтому. Потому что человек который не спорит — он и не думает. А вам нужен человек который думает. Иначе зачем вообще нужен ассистент?

— Вы сейчас учите меня управлению...?

— Нет. Просто объясняю почему я лучший вариант для вас.

— Дело в том, что молодые люди более креативны... — пытается объясниться он.

Я не могу сдержать улыбку.

— Мы с вами примерно ровесники. Значит ли это, что вы тоже менее креативны, как и я?

Он отвечает на мою улыбку, но в его глазах — лёд.

— Я начинаю в восемь, — говорит он. — Заканчиваю когда придётся. Иногда это десять вечера, иногда полночь. Переработки не обсуждаются — они входят в условия работы. Ваш телефон должен быть доступен всегда. Я не объясняю задачи дважды. Я не выношу фразы типа "я не знала" или "я забыла" или "я не могу". Если вам это подходит — вы приняты.

— Когда выходить?

— Сегодня.

— В каком смысле?

— В прямом, — он открывает ноутбук. — У меня в четырнадцать совещание с партнёрами, в шестнадцать звонок с Берлином. Вы должны собрать материалы. Если вы готовы работать — стол в приёмной свободен. Если нет — не теряйте моё время.

— Кофе вам сварить, или вы предпочитаете пить кровь своих подчиненных в чистом виде?

Гордеев усмехается.

— Без сахара, Елена. И поменьше слов. Идите работать.

— Ещё одно, — говорит он, когда я уже у двери.

Я оборачиваюсь.

— Я не терплю трёх вещей, — говорит он ровно. — Опозданий, оправданий и личных проблем на рабочем месте. Всё остальное — решается.

— Думаю, мы сработаемся.

— Личные проблемы остаются за дверью, — снова повторяет он.

— Договорились, — говорю я.

Осталось только придумать как это всё совместить с моими детьми...

Глава 6

Итак, мне нужно в рекордные сроки разобраться в чужой отчетности, подготовить документы на двух языках и что-то придумать с детьми, потому что моя няня оплачена ровно на три часа...

«Личные проблемы остаются за дверью», — звучит в голове голос Гордеева.

Пока специалисты занимаются настройкой моего компьютера, я набираю сообщение:

Анечка, милая! У меня форс-мажор на работе, меня взяли! Сможешь побыть с мелкими хотя бы до шести? Я заплачу по двойному тарифу!

Ответ пришёл незамедлительно:

Поздравляю вас, но я правда не смогу помочь. У меня сегодня зачет, если опоздаю — сразу на пересдачу.

Паника сдавливает горло.

Мужу звонить нельзя. Этот паразит мало того что не поможет, так еще и высмеет: «*Что, не по зубам оказалась карьера? Возвращайся к плитке*». Мама в другом городе.

Одной рукой я набираю сообщение подруге, с просьбой прислать её проверенную няню, а второй ищу документ по предстоящей сделке на компьютере. Быстренько пробегаюсь глазами... Мой мозг, застоявшийся без интеллектуальной работы, со скрипом, но начинает работать.

Когда подруга отвечает, пообещав помочь, я сначала выдыхаю, но потом...

Гордеев сказал, что его рабочий день заканчивается «когда придется» — в десять вечера, а то и в полночь. Да и няня подружки оказалась гораздо дороже моей. Нужно срочно найти сад, но придётся и няню оплачивать, чтобы она могла забирать.

Откуда взять столько денег?

Одной из причин, почему я так хотела вернуться именно на это место работы, была зарплата. Гораздо выше рынка, всегда точно в срок плюс командировочные и многие всякие другие плюшки. Но до зарплаты-то ещё нужно как-то дожить...

Вдруг дверь кабинета шефа распахивается.

Я едва успеваю накрыть телефон документами и выпрямить спину.

Хмм, теперь, когда он снял пиджак и остался в одной темно-синей рубашке, рукава которой небрежно подвернуты, он кажется ещё мощнее. Интересно, как часто он ходит в качалку?

— В немецком контракте по слиянию наши юристы сомневаются насчет третьего приложения, — сразу, без прелюдий, заявляет он. — Предыдущая ассистентка не смогла перевести специфические таможенные термины. Посмотрите свежим взглядом?

— Я уже посмотрела. Ваши юристы сомневаются не зря. В

пункте три точка два прописана амортизация оборудования по старым ставкам, из-за чего общая оценка чистых активов будет занижена.

Его глаза чуть сузились, а брови удивленно поползли вверх.

— Вы обнаружили это за пятнадцать минут?

— Это то, что сразу бросается в глаза. Сейчас я быстренько набросаю проект протокола разногласий. Он почти у вас на почте...

— Хорошо. Очень хорошо. Но... Когда будет готово, не присылайте по почте. Принесите его сразу ко мне...

Это совершенно необязательно, но приказы, как известно, не обсуждаются. Так что пришлось мне снова идти к нему в кабинет...

Гордеев берет листы, пробегает по ним глазами. Брови сходятся на переносице, он внимательно вчитывается в формулировки.

— Хм... — он откидывается на спинку кресла, крутя в руках ручку. — Вот она — старая школа! Признаться, я впечатлен.

Внутри меня расцветает тихое торжество, но я отвечаю скромно:

— Рада, что смогла помочь.

— Значит, не только для улады глаз... — произносит он еле слышно.

— Что, простите?

— Вы же сказали, что я набрал молоденьких сотрудниц для «улады глаз». А что если я отбираю абсолютно *всех* сотрудниц по этому принципу? И вас... в том числе. И теперь приятно удивлен тем, что вы умеете ещё и работать.

Я застываю с открытым ртом. Это я-то улада для глаз? Женщина после пяти лет декрета, в старом, тесноватом костюме, без свежего маникюра?

Да он издевается надо мной!

Пытается сбить меня с толку, смутить, заставить покраснеть и засуетиться. Но он не на ту напал!

— В таком случае у вас весьма специфический вкус, — отвечаю подчеркнуто спокойно. — На роль украшения офиса я точно не подхожу. Слишком много пробега.

Гордеев подается вперед. Расстояние между нами сокращается, и я чувствую... Пахнет от него потрясающе.

Его взгляд намеренно медленно опускается к моим губам, а затем снова поднимается к глазам. Намек настолько прозрачный, что воздух в кабинете буквально электризуется.

— А может, меня привлекает винтаж. Самый интересный возраст.

Я смотрю на него в упор, ни один мускул на лице не дрогнул.

— Рада, что вы цените мои... возрастные преимущества. Кстати, в моем возрасте женщины уже умеют отлично отличать дешевую манипуляцию от искреннего интереса. Так что ваши тесты на прочность на мне не сработают. Я пришла сю-

да работать головой, а не кокетничать.

— Исключительно головой? — вкрадчиво переспрашивает он.

— Это единственное, за работу чего вы мне платите. Всё остальное, включая обсуждение моего "интересного" возраста, в обязанности не входит. Если, конечно, вы не хотите переписать мой контракт на гораздо более выгодных для меня финансовых условиях.

Гордеев усмехается.

— А может хочу?

— Тогда поищите себе какой-нибудь другой винтаж. Этот — уже замужем.

Он бросает взгляд на мою руку с обручальным кольцом. Да, оно всё ещё там. Будет теперь как оберег от офисных домогательств...

— Ах да, точно. Как-то вылетело из головы. Что ж... Я просто хотел узнать вас поближе, ведь нам теперь работать вместе. А личный ассистент — это всё равно что жена. Мы будем проводить вместе много, очень много времени. Муж вас не заревнует?

Я закатываю глаза. Ещё чего не хватало!

— Вы сами сказали: личные проблемы нужно оставлять за дверью. Так что гипотетическая ревность моего мужа — это исключительно моя забота, а не ваша. Я могу идти?

— Можете.

Я разворачиваюсь и направляюсь к выходу. И отчетливо

ощущаю, как его взгляд прожигает мне спину, спускается ниже, скользит по обтягивающей юбке-карандаш... У самой двери я оборачиваюсь, чтобы убедиться в своей догадке.

Так и есть. Он пялится на меня! Даже не пытаюсь скрыть своего интереса.

Да уж, с ним точно будет гораздо тяжелее работать, чем со старым-добрым Павлом Андреевичем. Этот экземпляр, кажется, серьёзно собирается подбивать ко мне клинья вдобавок ко всем остальным своим недостаткам!

Глава 7

Время уже семь, но в офисе, кажется, домой никто не собирается... Молодёжь, что с них взять! Я сама когда-то была готова ночевать на работе. Но теперь я всем сердцем стремлюсь домой, к детям...

— Герман Алексеевич, я могу уйти? — собравшись с силами, я зашла к нему в кабинет. — У вас всё на сегодня?

Он ожидаемо скорчил недовольное лицо.

— Если мне не изменяет память, вы клятвенно заверяли меня, что никаких проблем с детьми не будет.

Я чувствую, как к щекам приливает жар.

— Вы выдернули меня сегодня из дома и сразу же усадили за рабочий стол, без возможности уладить домашние дела. Я разобрала запущенные отчеты, перевела таможенные документы и составила протокол разногласий. Вся работа на сегодня сделана. Для чего ещё я вам нужна?

Гордеев откидывается на спинку кресла, и на его лице появляется улыбка, которая уже меня раздражает.

— Может, мне просто приятно находиться в вашем обществе...

Опять он за свое! Но сейчас мне слишком дорого стоит каждая минута, чтобы реагировать на эти альфа-самцовые уловки.

— Если вам нужно приятное общество, обратитесь к про-

фессионалкам в этой сфере. Так я могу ехать?

Гордеев недовольно кривится. Мой резкий ответ его явно не устраивает, но сказать ему нечего — работа на сегодня действительно сделано.

— Ладно, — цедит он сквозь зубы. — Езжайте. Но помните, что вы всегда должны быть на связи. Если мне вдруг что-то понадобится... Держите телефон при себе.

— Положу его под подушку. Буду спать с ним, — сухо обещаю я и быстрым шагом выхожу из кабинета.

Наконец-то я дома! Тихо, стараясь не шуметь, открываю входную дверь и слышу приглушенные голоса, доносящиеся из гостиной. Вот только совсем не детские. Я отчетливо различаю бархатный баритон своего мужа. И он... нагло, самым бессовестным образом флиртует с няней, которую мне прислала подруга.

— ...такие очаровательные девушки не должны упускать лучшие годы, нянчась с чужими сорванцами, — расточает он свои до тошноты приторные комплименты. — Может, оставите мне свой личный номер? Как-нибудь устроим себе культурную программу...

Наглость этого человека просто не знает границ! Я молча прохожу в гостиную и застываю в дверном проеме, скрестив руки на груди.

Сидящая на диване няня сразу замечает меня. Она испуганно притихает, вжимаясь в подушки. А мой драгоценный супруг продолжает самозабвенно разливаться соловьем.

— Смотрю, ты все никак не угомонишься? — громко произвожу я. — Тебе что, уже недостаточно твоей Илоны?

Муж вздрагивает и резко оборачивается. Но быстро берет себя в руки и приветствует меня своей дурацкой ухмылочкой:

— О, Лена, привет! А мы тут с Мариной как раз тебя ждем, обсуждаем особенности детской психологии. Ты всё не так поняла!

— Правду говорят: горбатого кобеля могила не исправит, — обрываю резко.

Взгляд падает на притихшую, растерянную няню, которая мечтает провалиться сквозь землю. До зарплаты еще долго, а этот паразит как раз вовремя попался на горячем. Грех не воспользоваться ситуацией.

— Марина, спасибо вам большое, что выручили. Глеб, расплатись с няней. Переведи ей всю сумму за две недели вперед и закажи ей такси.

— За... две недели? — возмущается он.

— Да, мы именно так и договаривались, — отвечаю невозмутимо. — Правда, Марина?

Няня молчит, и мужу приходится достать телефон. Его лицо перекашивается, но перед чужим человеком ему до смерти неудобно рушить своё амплуа «щедрого мужчины» и устраивать семейные разборки. Кривясь от жадности, он переводит Марине деньги.

Няня быстро прощается и буквально вылетает из кварти-

ры.

— А теперь объясни мне: что ты вообще здесь делаешь?
— обращаюсь я к мужу.

— Что я здесь делаю?! — рявкает он. — А где ты шлялась?! Почему бросила детей? Они плакали, навзрыд орали, я еле-еле их успокоил!

Детей он успокаивал, как же! Они, скорее всего, мирно играли, пока он по-идиотски флиртовал с испуганной Мариной.

— Я вышла на работу, — произношу спокойно. — С сегодняшнего дня.

Он издает издевательский смешок, но я успеваю заметить, как в его глазах на долю секунды мелькает страх. Конечно, он боится, что я встану на ноги, начну зарабатывать и снова стану той, кем была до декрета. Говорил мне, что я ни на что не способна без его подачек, и вдруг — такой облом.

— Неужели нашелся дурак, который нанял тебя после пяти лет просиживания дома? Ничего себе. И кем же? Младшим помощником старшего дворника?

— Не твое дело, Глеб. Собирайся и уходи к своей любовнице. Здесь тебе больше не место, — я указываю рукой в сторону коридора.

— Да конечно, разбежалась! — Глеб багровеет от злости.
— Я никуда отсюда не уйду!

— Что, боишься, что не потянешь свою шлюху на полное содержание? Не по карману тебе она оказалась?

По тому, как Глеб меняется в лице, я понимаю, что оказалась права.

Да уж, одно дело — водить любовницу по ресторанам, и совсем другое — полностью содержать ее, оплачивать капризы и съемное жилье. А Илона явно недешевая штучка.

— Я никуда не уйду, ясно тебе?! — взрывается он.

Вступать в рукопашную перепалку с разъяренным мужем в мои планы не входило.

— Я соберу тебе вещи, — я быстро покидаю поле сражения.

Достаю из шкафа чемодан и начинаю швырять туда его шмотки.

И тут в мою голову приходит идея.

Я выскальзываю из спальни и иду на кухню. Нахожу в шкафу со специями самый жгучий перец и от души посыпаю внутреннюю сторону ткани его любимых брендовых трусов-боксеров, аккуратно втирая его в швы.

И мне становится немножечко легче... Совсем капельку.

Но этого, разумеется, недостаточно. Мне нужно придумать что-то ещё. Что-то, что поможет мне пережить все эти унижения.

Глава 8

При мысли о том, что мне придётся провести еще одну ночь под одной крышей с этим подонком, мне становится трудно дышать...

Но когда я захожу в детскую и обнимаю своих спящих малышей, я понимаю: мне необходимо беречь силы. Беречь себя для детей и для новой работы, а не тратить себя на скандалы с ничтожеством. Я просто закрываю глаза и мгновенно вырубаюсь.

Утром дети бурно радуются моему появлению, но их радость быстро сменяется плачем, когда я говорю им, что сегодня мне придётся снова уйти.

Они виснут на мне, как обезьянки.

— Нееееет! Побудь с нами!

— Мама должна ходить на работу, — тихо говорю я. — У многих мам вообще нет возможности быть со своими детками так долго, как была я. Кто-то выходит на работу сразу после рождения малыша, кто-то — спустя год... А я была с вами так долго! Но теперь пришло время мне зарабатывать деньги. А вам — играть с новыми друзьями в детском садике. Я выбрала для вас самый лучший!

Они, конечно, недовольны, шмыгают носами, но деваться им некуда. Мне остаётся только надеяться, что рано или поздно они привыкнут к новому распорядку дня. Хотя, ко-

нечно, хотелось бы побыстрее...

Я веду их на кухню и кормлю завтраком.

Вскоре из спальни выползает Глеб. Он молча подходит к кофемашине, пытается впервые самостоятельно сделать себе чашку, но при этом постоянно ерзает, переминается с ноги на ногу и судорожно, будто невзначай, почесывает... хм, свой перед и филейную часть. Похоже, он надел трусы с моим сюрпризом.

Я прячу усмешку.

Пока он страдает у кофемашины, я быстренько прикидываю в уме грядущие расходы. В садике наверняка попросят оплатить сразу первый месяц. Да и деньги на себя мне тоже нужны позарез! Я работаю с богатыми, успешными людьми, поэтому приличный внешний вид — это не прихоть, а острая необходимость.

А Гордеев и его странные комплименты здесь совершенно не при чем!

Мои деловые костюмы безнадежно устарели, косметика закончилась. Также я больше не могу краситься дома краской из супермаркета — это же заметно. А маникюр! Мои руки теперь каждый день на виду, я не могу бесконечно прятать их за спину.

— Глеб, переведи мне денег, — говорю я спокойно.

Услышав это, он мгновенно расправляет плечи (хотя тут же снова дергается и пытается незаметно потереться бедром о край стола).

Он снова чувствует себя главным. Единственным источником благ.

— Ого, тебе понадобились деньги? А на что они тебе? Зачем?

— Нужно закупить продукты, обновить детям гардероб, купить им новую обувь. Из старой они вот-вот вырастут.

— Но ещё же не выросли, верно? В старых ходят пока, — отрезает он. — А продукты... В холодильнике полно еды. И вообще, Лен, ты бы поумерила свои аппетиты. Я твои хотелки оплачивать не намерен. Хотела свободы и независимости? Кушай их полной ложкой, не обляпайся! Крутись как-нибудь сама.

Он смотрит на меня, уверенный, что загнал меня в угол и сейчас я начну просить его или умолять.

— Ты абсолютно прав. Нужно крутиться самой, — отвечаю невозмутимо. — Это я и сделаю.

Я едва сдерживаю себя, чтобы не влепить ему пощечину. Но за столом сидят дети, испуганно переводящие взгляд с меня на отца. Ради них я стискиваю зубы и ухожу в спальню.

Мне нужно успокоиться... Я прислоняюсь спиной к закрытой двери и пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Но тут мой взгляд падает на верхнюю полку шкафа, где пылится старая коробка.

Внутри лежит комплект белья, который Глеб подарил мне в начале наших отношений. Я так и не решилась надела эту безвкусную пошлятину. Микро трусики из трех тонких вере-

вочек, а спереди — разрез и какие-то розовые перья и стразы. Бюстгальтер под стать — с вырезами на самых пикантных местах. Дешевка из секс-шопа, которая так и кричит о грязных фантазиях своего дарителя.

И мне в голову приходит ещё одна идея.

Я прячу трусики в карман и с невозмутимым видом возвращаюсь на кухню.

Глеб всё еще пытит над многострадальной кофеваркой. Он злится, дергает рычаги, ругается сквозь зубы и, кажется, вот-вот сломает аппарат. При этом его ноги выделяют странные па, а рука то и дело тянется судорожно почесаться.

— Давай помогу, — я мягко отодвигаю его плечом. — Ты так ее ломаешь.

Пока кофе тонкой струйкой льется в чашку, я достаю из аптечки флакон. Слабительное, которое я покупала детям, когда у них были проблемы с этим делом. Оно маслянистое и беловатое — сойдет за сливки.

Я щедро бахаю лекарство в кофе. Сверху заливаю настоящими сливками и добавляю сахара, чтобы перебить посторонний привкус.

Пока я размешиваю этот коктейль, Глеб продолжает извиваться рядом, как уж на сковородке.

— Что с тобой? — спрашиваю я, протягивая ему чашку. — Ты заболел? Подцепил что-то... неприличное?

— Отвяжись! — огрызается он, багровея то ли от злости, то ли зуда в промежности. — Ничего я не подцепил! Про-

сто... штаны колются.

Он хватает чашку и выпивает всё залпом.

— Что за дрянь ты сварила? — он морщится. — Всё, я ухожу, и так опаздываю из-за твоей болтовни!

Он хватает портфель и слегка раскоряченным шагом направляется к выходу. Я иду следом за ним в коридор.

— Постой, — тихо зову. — Может... обнимешь меня на прощание?

Муж застывает от удивления. На его лице отражается сложная гамма чувств: от удивления до самодовольного торжества. Ага, думает, испугалась стерва, поняла, что без мужа пропадет!

Воспользовавшись его замешательством, я крепко обнимаю его за талию и... просовываю стринги с перьями в кармана.

С надеждой на то, что Илоне или какой-нибудь другой его любовнице попадётся на глазах. Чтобы она наконец поняла, что ее ухажер не просто женатый, а женатый *гулящий кобель*, который на одной не остановится.

— Хорошего дня!

Глеб, чертыхаясь и смешно подпрыгивая на ходу, вылетает на лестничную площадку.

Я отправляю детей играть в комнату, а сама возвращаюсь в нашу бывшую общую спальню. *Крутись как-нибудь сама?* Что ж, я буду крутиться как балерина пируэтом!

Я начинаю методично сгружать в коробку всё то ценное,

что Глеб считает исключительно своей собственностью. Последняя модель игровой приставки отправляется в коробку первой. Следом за ней — его планшет. У него также есть три пары часов. Не швейцарский люкс, конечно, но стоят прилично. А ещё есть толстенная, жутко безвкусная золотая цепь, которую он надевает только на «статусные» встречи, и такой же ужасный браслет.

Ломбард примет их с огромным удовольствием.

Вдруг мой взгляд падает на собственную руку... На безымянном пальце тускло поблескивает обручальное кольцо.

Кажется, настало и его время.

Глава 9

То, что происходит у меня внутри, не описать словами. Мозг кипит от попыток удержать под контролем всё и сразу.

На мониторе открыт контракт, где мне нужно перепроверить каждую цифру. В соседней вкладке — детские сады. Телефон под столом вибрирует: барахло Глеба я выставила по дешевке, и желающие атакуют чат. А ведь мне ещё нужно найти время, чтобы подать на развод!

Я едва успеваю свернуть окно с бланком заявления, когда на мой стол падает тень.

Сегодня Гордеев снова без пиджака. Нависает надо мной и поигрывает мускулами...

— Вы решили устроить на рабочем месте распродажу? — раздаётся его голос.

— А вы что, неотрывно следите за мной? — возмущаюсь раздражённо. — Всего лишь пару раз спустилась на первый этаж...

— Три раза, Елена, — он понижает голос до интимного полупшепота и опирается ладонями о край моего стола. — И каждый раз вы возвращались из лобби без очередной коробки в руках и с торжествующим видом. У меня в приемной работает личный ассистент или дилер электроники?

— Я всего лишь избавляюсь от хлама. На качестве моей работы это никак не отражается, отчет уже готов, все правки

юристов внесены.

— Избавляетесь от хлама? Похвально, — он отворачивается, чтобы уйти.

Я шумно выдыхаю. С этим мужчиной расслабляться нельзя ни на секунду, он видит абсолютно всё.

Вдруг под столом снова вибрирует телефон.

Я хватаю его, уверенная, что это очередной покупатель, но на экране крупными буквами горит «муж».

Я нажимаю на кнопку приема, собираясь ледяным тоном сказать, чтобы он мне не звонил, но не успеваю произнести и слова.

Крик настолько громкий и пронзительный, что режет барабанные перепонки. По странному, гулкому эху я понимаю — мой драгоценный супруг звонит из туалета, где его, судя по всему, настигло возмездие.

— Ты что со мной сделала?! — захлебывается он от бешенства. — Ты чем меня отравила?! У меня всё горит, меня наизнанку выворачивает! Ты — ведьма! Тварь расчетливая! Я тебя уничтожу, ты поняла меня?! Я тебя сотру в порошок!

От этого потока ругани у меня перехватывает дыхание. Паника и стыд затапливают сознание — я же на работе, в солидном офисе, вокруг люди! Я судорожно пытаюсь нащупать пальцем клавишу уменьшения громкости, пока Глеб продолжает истступленно орать.

— Зачем ты мне подсунула эти чертовы трусы?! Они выпали у меня на презентации инвесторов! Прямо посреди мо-

его доклада!

Воображение мгновенно рисует картину: важный, надутый как индюк Глеб достает из кармана ядовито-красный латексный лоскут с перьями.

— Ты выставила меня полным идиотом! Надо мной все смеялись! Главный инвестор спросил, не жмет ли мне латекс! Они решили, что это МОИ трусы! Понимаешь?!

Я сдавленно хрюкаю, но через секунду не выдерживаю и прыскаю от смеха.

— Тебе смешно, да?! Смешно, тварь?! — орет Глеб, окончательно теряя остатки самообладания.

В этот момент ко мне протягивается мужская рука, которая забирает у меня телефон. От неожиданности я не оказываю ни малейшего сопротивления, только испуганно выдыхаю сквозь сжатые зубы.

— Слушай сюда, ушлепок, — говорит в телефон Гордеев. — Закрой свой поганый рот!

Глеб от неожиданности спотыкается на полуслове.

— Ты, как я вижу, совсем берега попутал и забыл, как разговаривать с женщинами. Я готов напомнить. Готов подучить тебя хорошим манерам. При личной встрече. Поверь, тебе не понравится мой метод обучения...

Не найдя что ответить, Глеб швыряет трубку. В динамике раздаются короткие гудки.

Гордеев кладет телефон обратно на мой стол. В приемной повисает такая тишина, что слышно, как гудят лампы под

потолком. Мое сердце колотится в груди как сумасшедшее, а щеки пылают от жгучего стыда.

А мой босс не спеша уходит в кабинет, словно ничего особенного не произошло.

Шок сменяется волной возмущения. Да как он посмел?! Кто дал ему право?!

Я вскакиваю с кресла и решительно иду за ним. Влетаю в его кабинет.

— Герман Алексеевич! Как вам вообще пришло в голову вмешиваться в мои личные разговоры?

Гордеев опускается в кожаное кресло и смотрит на меня со своей фирменной усмешкой.

— Разве это был разговор? Как по мне — монолог с оскорблениями.

— Как бы то ни было... Вы не имели права вырывать у меня трубку!

— Не вырвал, а взял. И... Разве я сказал что-то лишнее? — Гордеев откидывается на спинку кресла и сцепляет пальцы в замок. — Или то, что не сказали бы лично вы? Думаю, вы ответили бы что-то в том же духе. Я уже успел заметить, что за словом в карман вы не лезете.

Я на секунду прикусываю язык, потому что он прав — Глебу я бы выдала тираду и похлеще. Но сам факт того, что босс сует нос в мою семейную катастрофу, просто выводит из себя.

— Так это и должна была сделать я, — упрямо гну свою

линию. — Зачем *вы*это сделали?

Гордеев морщится и недовольно качает головой.

— Просто терпеть не могу хамов. Особенно когда они включают свою бычку на женщин. Если слышу что-то подобное, просто не могу сдержаться.

Злость медленно улетучивается, оставляя после себя странное, непривычное чувство. Благодарность? А ведь если подумать... он действительно избавил меня от необходимости выслушивать оскорбления и необходимость собачиться с Глебом. Мне самой не хотелось бы тратить на это остатки душевных сил.

— Надеюсь, в следующий раз вы будете сдержаннее в своих желаниях, — говорю я уже гораздо спокойнее.

Гордеев усмехается и смотрит на меня как-то странно — горячо, откровенно, прямо в глаза, так, что у меня по спине пробегает вполне осязаемая волна жара.

— Боюсь, что это невозможно. Иногда желания бывают настолько сильны... что удержать их внутри никак не получится.

Вместо того чтобы выдать очередную колкость, я вдруг ловлю себя на мысли: а ведь мне сейчас как раз не помешала бы защита такого физически крепкого мужчины. Глеб в бешенстве. Кто знает, на что он будет способен, когда всё-таки слезет с унитаза? От этой мысли к горлу подступает легкая паника.

Но я прикусываю язык, разворачиваюсь и молча выхожу

из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Какая еще помощь от Гордеева? Просить своего шефа, с которым я работаю второй день, защитить меня от сумасшедшего бывшего — это же чистой воды бред и грубейшее нарушение деловой этики. Я пришла сюда зарабатывать деньги и возвращать себе статус профессионала, а не вешать свои семейные драмы на плечи генерального директора. Сама со всем справлюсь. Сама.

Я возвращаюсь к своему столу. Хватит раскисать, у меня полно дел, которые нужно решить прямо сейчас.

Первым делом нужно срочно сменить замки. Безопасность меня и детей превыше всего. А еще нужно как-то незаметно сбежать с работы пораньше, чтобы успеть доехать до дома и собрать все вещи бывшего в чемодан.

Ещё одной ночи с предателем под одной крышей не будет. Хватит с меня!

Глава 10

Успела! Это единственная мысль, которая бьется в моей голове, пока я сжимаю в объятиях Макса и Машу. Мастер, который сменил замки, ушел пятнадцать минут назад. Чемоданы Глеба, набитые его шмотками, выставлены на лестничную площадку.

А сейчас с той стороны входной двери раздается такой сильный удар, что, кажется, содрогаются стены.

— Открывай! — Глеб бьет по двери ногами, судя по страшному грохоту. — Замки поменяла, тварь?! Открывай сама, хуже будет!

Я судорожно прижимаю малышей к себе и закрываю им уши ладонями. Только бы они не слышали всего этого.. Только бы эта грязь их не коснулась...

Но Глеб за дверью окончательно потерял человеческий облик. Чехвостит меня на чем свет стоит, не выбирая выражений.

Что говорить, *такого*свинства я от него не ожидала. Он всегда выглядел как интеллигентный, приятный мужчина.

Теперь последние сомнения исчезают. До этого я ещё думала о том, что слишком резко порвала с ним. Что приняла такое серьёзное решение сгоряча, что лишила детей отца...

Но теперь мне ясно как день, что я все сделала правильно. Такой отец им не нужен. Чему он может научить? Площад-

ной брани?

— Я тебе устрою! Ты мне за все ответишь! Я тебя без копейки оставляю, детей заберу!

— Все хорошо, мои сладкие, все хорошо, — шепчу я им, хотя сама внутренне содрагаюсь от страха. — Мама с вами, мама вас никому не отдаст.

И крепче прижимаю ладони к их ушкам.

Пусть орет, пусть ломает кулаки о дверь. В мою жизнь и в жизнь моих детей он больше никогда не войдет!

— Защитничка себе нашла, да?! — кричит Глеб. — Думаешь, спряталась за хахалю своего?! Я всё равно тебя достану!

В этих воплях отчетливо слышно его уязвленное эго. Видимо, его сильно задел тот факт, что за меня заступился другой мужчина.

За дверью раздается очередной глухой удар, но уже какой-то смазанный. Глеб продолжает грязно материться, но я понимаю, что он начинает выдыхаться. Всё-таки, зуд в штанах и крутящий от слабительного желудок — не лучшие союзники.

— Уходи, Глеб! — кричу я. — Убирайся, иначе я вызову полицию! Напишу заявление об угрозах и порче имущества!

Вдруг в подъезде громко хлопает чужая дверь и слышится недовольный голос нашего соседа:

— Десять вечера, дети спят! Хорош в дверь долбиться!

Следом доносится возмущенный голос соседки из квартиры напротив. Глеб, который силен только против безоруж-

ной женщины, перед толпой разгневанных жильцов мгновенно сдувается.

Слышно, как он со злости пинает свой чемодан.

— Не думай, что ты от меня избавилась, — шипит он. — Я это просто так не оставлю!

Двери лифта за ним закрывается.

Наконец-то воцаряется долгожданная тишина!

— Ну всё, мои хорошие. Больше никто не будет шуметь. Давайте строить замок из Лего? — я пытаюсь отвлечь перепуганных детей.

Я разукрашиваю с Машей картинки, строю с Максом башню. Постепенно они успокаиваются, страх уходит, сменяясь сонливостью. Я укладываю их в кровати и бережно укрываю одеялом.

И иду в теперь уже только *мою* спальню.

Комната выглядит непривычно просторной. Шкафы полупустые, на комодке больше нет его разбросанных чеков, ключей и грязных чашек. Пространство очистилось. Оно полностью свободно!

Я падаю на кровать и впервые за долгое время вдыхаю полной грудью. Теперь мне даже дышать стало легче. Я справилась!

Но несмотря на блаженное чувство свободы, спала я от силы часа три — остаток ночи прислушивалась к каждому шороху в подъезде, боясь, что Глеб вернется с подмогой. В офис я пришла вовремя, но вид у меня был ещё тот — в моем

возрасте каждая бессонная ночь отражается на лице, каждая тревога залегает новой морщинкой.

И как будто мало мне всех этих переживаний — над душой опять стоит Гордеев.

— Я хотел обсудить с вами финальные правки вчера вечером, но обнаружил лишь ваш пустой стол, — говорит он, даже не поздоровавшись. — Почему вы ушли раньше?

Твою ж за ногу! А я так надеялась, что он не заметит...

— Решала личные проблемы, Герман Алексеевич! — вспыхиваю я.

— Те самые, что должны были остаться за дверью офиса?

— Именно! — отрезаю я и отворачиваюсь к монитору, давая понять, что разговор окончен и оправдываться я не собираюсь. Пусть увольняет за такую ерунду, если хочет, мне плевать.

Но сама напрягаюсь в ожидании его приговора.

А затем происходит то, чего я никак не могла ожидать.

— У вас... всё нормально? — тихо спрашивает он. В его голосе отчетливо слышится... тревога?! Тревога за меня?

— Тот... нехороший человек, который вчера материл вас по телефону, — продолжает Гордеев, и я чувствую, как он наклоняется ближе. — Он больше вас не беспокоил?

— Нет. Он с первого раза всё понял, — вру я.

Но Гордеев, кажется, не верит. Он смотрит на меня внимательно, слишком внимательно, и этот его сканирующий взгляд просвечивает меня насквозь.

А я думаю о том, что он видит и мои круги под глазами, которые не смог скрыть даже плотный консилер, и мою общую изможденность. И, наверное, даже седые волоски на уложенной причёске...

Как ужасно, должно быть, я выгляжу сейчас! Ещё и в безжалостном свете этих офисных ламп! Жутко уязвленная этим осмотром, я резко отворачиваюсь в сторону, пряча лицо.

Но Гордеев, видимо, расценивает это по-своему — как страх или попытку скрыть подступающие слезы. Он уменьшает дистанцию до минимума и произносит совсем мягко:

— Елена... Вам нужна помощь? Скажите прямо.

— Мне ничего от вас не нужно, Герман Алексеевич! — я снова поворачиваясь и смотрю на него с вызовом. — Занимайтесь делами компании, а меня оставьте в покое.

Доброжелательность и мягкость исчезают с его лица так же быстро, как они появились. Взгляд снова становится колючим и ледяным.

— Что ж, в таком случае... Свое вчерашнее отсутствие вы обязаны отработать.

— Эээ... В каком смысле?

— В субботу выходите в офис.

Бросив эту фразу, он спокойно направляется в свой кабинет.

А у меня земля уходит из-под ног. В субботу в офис?! Да это же катастрофа...

С кем я оставляю детей? Няня на выходные не подписывалась, да и денег на двойной тариф после оплаты садика у меня не будет.

Но самое страшное даже не это! С деньгами можно было бы выкрутиться и можно было бы найти другую няню. Но накануне я пообещала им, расстроенным моим уходом и исчезновением отца, что эти выходные мы точно проведем вместе. Что мы пойдем в парк, будем есть мороженое и просто гулять целый день. Я *обещала* им!

И теперь из-за самодурства босса я должна нарушить это обещание? Снова бросить их в свой законный выходной?

Нет. Я не могу подвести детей.

Но и потерять эту работу тоже не имею права!

Что же делать? Мне кажется, что я в тупике, из которого нет выхода...

Глава 11

В выходные офис непривычно тихий. Ни толпы у лифтов, ни привычного шума. Только эхо наших шагов...

— Мама, а почему тут никого нет? — Маша испуганно оглядывает огромные пустые пространства.

— Потому что сегодня этот огромный замок в нашем личном распоряжении. Главное, делать то, что сказала вам мама — нужно вести себя хорошо и не шуметь. Договорились? Иначе нас выгонят...

Я прикладываю пропуск к турникету, и мы втроем поднимаемся на нужный этаж. Усаживаю детей напротив своего рабочего места, чтобы были под надзором. Четыре года — самый активный возраст, вы сидеть на месте хотя бы полчаса они точно не способны. Поэтому я сразу вываливаю перед ними все игрушки, что взяла с собой.

Дети принимаются за дело, но... ненадолго. Они быстро теряют интерес к игрушкам, но, как и следовало ожидать, увлекаются офисной техникой и начинают наперебой спрашивать меня что это и для чего. Я включаю им мультики, но даже они проигрывают в схватке с новым пространством, которое детям не терпится исследовать.

А тем временем на моем столе лежит гора документов, которую Гордеев сгрузил на меня в пятницу вечером, а на компьютере — несколько его писем с "особо ценными" ука-

заниями.

«К понедельнику всё должно быть готово», — бросил он не терпящим возражений тоном. Вот засранец!

Я сжимаю зубы, открываю на компьютере первый файл и погружаюсь в бесконечные ряды цифр, формулировок и юридических терминов.

Одним глазом проверяю их, а другим пытаюсь контролировать деток...

Да уж, строчить правки в контракте и одновременно следить, чтобы четырехлетние дети не разгромили приемную генерального директора — тот еще аттракцион. Но я упорно вчитываюсь в строчки, понимая: я обязана сделать эту работу хорошо, чтобы у босса не было повода упрекнуть меня в непрофессионализме.

На несколько минут уйду с головой в расчеты. Когда прихожу в себя, понимаю, что в приемной стало как-то подозрительно тихо. А любой родитель знает: если четырехлетние дети резко затихают — жди катастрофы.

Потом до меня доносится подозрительное жужжание...

Я отрываю взгляд от монитора и буквально холодею.

Макс взобрался на стол и изо всех сил жмет на большую зеленую кнопку огромной мфу-шки. Из лотка один за другим вылетают листы с ксерокопией его собственной ладони и прижатого к стеклу носа.

— Макс, нельзя! — я оттаскиваю сына от офисной техники.

Пересаживаю детей обратно, строго грожу пальчиком, клятвенно обещаю отвести их в детскую комнату, сразу, как только закончу свои дела, и снова падаю в кресло.

В относительном спокойствии проходит еще минут пятнадцать. Но потом из соседней зоны доносится веселый писк... Я со всех ног лечу туда.

На этот раз Маша с важным видом нажимает все подряд кнопки на стационарном телефоне, а Макс катается на кожаном кресле секретаря, разгоняясь ногами от стены.

Я ловлю кресло с сыном на лету, делаю обоим выговор и отвожу обратно. Пытаюсь занять их, даю всякие офисные штуки — старые документы, цветные выделители и даже настоящую круглую печать...

И возвращаюсь за стол. Мозги уже кипят, я разрываюсь... Постепенно шум, который издают дети, затихает, а я погружаюсь в цифры настолько глубоко, что теряю счет времени и перестаю контролировать происходящее.

И тут из глубины коридора — абсолютно вне поля моего зрения — доносится громкий шлепок, звонкий детский смех и грохот захлопнувшейся двери.

Я отрываюсь от монитора, вскакиваю из-за стола. Делаю шаг в сторону холла и... просто охаю, замирая на месте и зажимая ладонями рот.

В коридоре стоит... Гордеев.

В своем идеальном костюмчике. Точнее, бывшем идеальным. Белоснежная рубашка насквозь мокрая и липнет к те-

лу, с пиджака капает вода. От шеи до пояса расплылось огромное темное пятно — впечатление, будто генерального директора окатили из ведра.

А прямо напротив него стоит Макс, сжимая в руках водный пистолет, и Маша, радостно хлопающая в ладоши:

— Мы победили монстра!

У меня из груди вырывается лишь беспомощный вздох.

Что его вообще принесло в офис в субботу?!

Гордеев протирает ладонью лицо, убирает капли, и переводит тяжелый взгляд с сияющего Макса на меня — бледную, испуганную и готовую провалиться сквозь землю.

В приемной повисает звенящая тишина.

Это конец. Тотальный, бесповоротный крах. Моя карьера просуществовала ровно три дня и только что уничтожена детским водяным пистолетом. Я уже представляю себе, как собираю свои немногочисленные вещи в коробку, как охрана выводит меня из здания... Как снова остаюсь без работы. У разбитого корыта. Ни с чем.

А Гордеев застыл как вкопанный, пялится на нас и... ничего не говорит. Ну пусть скажет хоть что-нибудь! Это напряженное молчание невыносимо!

Я делаю шаг вперед, готовая закрыть сына собой и принять на себя весь шквал его праведного гнева. Надеюсь, он не будет орать слишком громко и сможет подобрать цензурные выражения.

Но потом... Я смотрю на него и вижу на его губах едва

заметную усмешку.

— Точный выстрел, пацан, — произносит он. — Ты молодец. Меткий.

Он протягивает руку и ерошит Максу волосы.

— О! Хотите пострелять? — Макс с детской непосредственностью протягивает ему оружие.

— Нет, я не такой меткий стрелок, как ты, — отвечает он с улыбкой, а потом переводит взгляд на меня, и я вижу в нём уже знакомую холодность. — Соколова. Зайдите-ка ко мне на минуточку...

И быстрым шагом скрывается в своем кабинете.

Глава 12

Я судорожно хватаю со своего стола упаковку салфеток и иду следом за боссом в кабинет. Чем раньше я услышу свой приговор, тем лучше... Зачем тянуть?

А Гордеев, между тем, уже скинул свой пиджак.

— Герман Алексеевич, вы уж извините, что так глупо всё вышло! — говорю я, подходя ближе к нему. — Они случайно! Они не хотели, они маленькие, просто заигрались! Я всё оплачу, всю химчистку, я правда не думала, что они

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.